

“Повестям и рассказам Будакова присущи исповедальный характер письма, сочетающийся с философскими размышлениями о жизни, чувство исторической панорамности в восприятии родины, боль и вина перед погибшими. Страницы многих произведений Будакова пронизаны чувствами сострадания и милосердия, преодолевающими зло». Так охарактеризовал творчество писателя Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук¹. Подобная характеристика во многом предвосхищает и разделяет суть давно звучащих многочисленных статей, рецензий, откликов на произведения, из которых сложилось недавно вышедшее в свет пятитомное собрание сочинений писателя².

Это издание — явление в отечественной литературе. Совсем не случайно его редколлегия состоит из имен российского звучания, а столица и Воронеж представлены важнейшими культурно-литературными центрами, среди которых Московский государственный университет

¹ Биобиблиографический словарь «Русская литература XX века...» — М., СПб, 2005.

² Воронеж: Научная книга, 2014–2015.

имени М.В. Ломоносова, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, Институт славяноведения РАН, Литературный институт имени А.М. Горького, Воронежский государственный университет, Воронежский государственный педагогический университет.

В собрание сочинений помещены тексты из разных книг Виктора Викторовича Будакова, заслуживших российское признание. Иные из них с предисловиями или оценками писателей, поэтов, ученых, общественных деятелей. Тома сопровождается обстоятельный, информационно полный, дающий философское, историческое, педагогическое и нравственное осмысление творчества писателя аналитический комментарий, в котором раскрывается каждый период творчества Будакова и каждое произведение в отдельности, приведены отзывы современников.

В первом томе собраны рассказы разных лет. Отношения деревни и города, отцов и детей, военное и послевоенное детство, жизнь и искусство — вот далеко не полный охват тем. В горе и радости мы видим наших земляков. Но у Будакова за обыденным всегда присутствует нечто такое, что во все времена волнует человечество.

В рассказах писателя отсутствуют черные и белые крайности. Даже его отрицательные персонажи не безусловны в своей «отрицательности», писатель нередко сострадателен к таким антигероям.

Послевоенное время показано глазами детей тех лет. В рассказе «Вишня» ребята, воображая древнюю Засечную Черту, играют в войну, пока еще не осознанно объемля дали времен: в их воображаемом распоряжении пулеметы и... стрелы. Война, как великое национальное потрясение, обнажает души и чувства людей, ломает судьбы. В рассказе «Темная ночь» Будаков тонко рисует человеческие характеры, судьбы героев, совершенно по-разному относящихся к прошедшему, в финале неразделимо переплетаются. В рассказе «Усталая женщина Клио» автор предупреждает: человечество находится на грани самоуничтожения, а технический прогресс, если ему не поставить предел, — сомнительное благо, скорее угроза с трагически предсказуемыми последствиями. Вопросы и нравственные категории — традиционные, но у писателя на них — свой, особый взгляд.

Произведения Виктора Будакова можно не только прочувствовать эмоционально, но и зримо «прокрутить» в своем воображении. Природа, пейзаж являются органической частью любого его повествования. «Белым видением мерцает из зеленой чащобы береза. Салатово смуглеет осина. Листья дикой груши едва начинают желтеть...» Автор, словно вдохновенный художник, размашисто и щедро рисует «полей цветастые платки». Однако и здесь присутствует связь и сравнение с былым: нежно-зеленое поле прежде было черно-багровым полем битвы; яблочные пни — это пасынки войны; мы «идем по июню», а если нам больно, то — осколочно...

Второй том составлен из цикла эссе «Волны» и коротких повестей. Первые, хотя и объединены по темам, кажутся единой картиной. Так же видятся и короткие повести. Послевоенное детство, которое автор сравнивает с современным, — мотив повести «В Стародонье вода светла». «Память не бывает большая или малая, она должна быть чиста». По расхожему мнению, назад в детство дороги нет, но у Будакова по ней идут герои его произведений; читая, по ней идем и мы. А художнику Лукьянову из «Осокоревского круга» и вовсе удастся поймать «ветер из детства».

Уже в своих ранних произведениях Будаков показал себя мастером образности, зримых изображений. Порой ему хватает два-три штриха, чтобы представить портрет или целое явление. В повестях об учительстве вопрошается: надо ли искать погибших, ведь боль живых с годами не столь резка, а ты снова сыплешь соль на раны. Ответ однозначен: «Человек тем и человек, что у него болит. Отни-

ми у него боль, отними память — что останется?» Однако в повести «Трое на выцветшем снимке» автором утверждается, что человек не может жить только страданием, хотя, по словам одного из героев, «именно оно, прежде всего, и подвигает его к духовным, нравственным высотам». Те же мотивы звучат и в коротких эссе: «У памяти своя боль... У памяти особое зрение, и она видит то, чего давно уже нет, она умирает и заново рождается в лучших из нас...»

Картины послевоенных лет зачастую обыденны. Уже потом вернувшиеся с войны односельчане обретут заслуженный ореол героев. А в первые месяцы после возвращения вчерашние солдаты сталкивались с трудностями совсем не только материальными.

Вместе с тем, у Будакова очень значима символика. В коротком рассказе «Дождаться осени» Афанасий Данилович, во сне пролетает в небе над родными местами, разметав крестом руки. Похож на серебристый крестик мирный самолет в серебристом куполе неба. Да и те же из одноименного рассказа вишни, срубленные иноземными захватчиками, распластались по белой стене хаты настоящим распятием.

Насквозь символичны смыслы коротких повествований «Молчание» и «Друзья-однополчане». Мы видим два круга: круг смерти и круг жизни. Первый очерчен погибшим на войне отцом, его сын подорвался на mine уже после победы. Во второй круг вместились вернувшийся отец-герой и живой сын. В круге смерти род оборвался, в круге жизни — продолжился. Здесь же — незримые, но ощущаемые образные линии. Бакенщик, словно некая точка отсчета «до» и «после» войны — река, отчетливо разделяющая пространство и время — мосты, эту реку соединяющие... Своеобразным перевозчиком из Круга жизни в круг смерти и обратно служит лодка. Она же является и вместилищем нравственного разделения, ибо в ней спасают жизнь человеку с нечистой совестью — вот образец строгой геометрии координат вкупе с многоцветной и обостренной поэтикой.

Раскроем третий том — поэтический. Книга открывается «Тревожным глобусом» — сборником ранних стихотворений. Трагичность исторического пути родины и человечества развивается в циклах «Тревоги», «Разломы», «Ветер Родины». Раздел «Снежный край» окрашен в лирико-философские тона, в нем — авторское слияние с природой, его обращение к истокам жизненным и литературно-художественным. Том состоит из сборников и разделов, каждый из которых самостоятелен тематически.

Особый цикл — «Листья», в котором в лаконичной форме раскрывается философия жизни, земное и небесное, человеческое бытие на вершинах, в разломах и провалах. Главные авторские темы (память, война, родина, человек земли и неба, трагические судьбы славянского мира) развиваются в сборниках «Судьба», «У славянских криниц», «Белая моя Россось». В последнем с особой силой звучит песнь отчему краю. В аналитическом комментарии отмечено, что «перу Будакова подвластны все виды лирики, но предопределившей направление его творческого пути, его особого места в современном литературном мире стала лирика *отчему краю*».

Виктор Будаков

Том четвертый (тоже стихотворный, правда, с двумя лирико-прозаическими предисловиями) содержит произведения, в которых Виктор Будаков раскрывается как талантливый историк с «редкой генетической памятью». В главе «Бакены в тумане» явлены судьбы русских людей, «разделенных цветами стягов». Это белый генерал Каледин, генерал и геополитик Снесарев, писатель Крюков, поэт Туроверов, великий философ Лосев, великий писатель Шолохов...

В критике, посвященной анализу творчества Виктора Будакова, тонко подмечено, что композиционные особенности книги «Великий Дон» сходны с составлением мозаики, «ведь повествование о Доне сложилось из многих, разных по форме и смысловым оттенкам стихотворений».

Панорамная ретроспектива раскрывается и в «Воронеж-граде». Мы видим славянскую крепость, узнаем петровские дни корабельного строения, проникаемся «нестареющими именами» и силуэтами ушедшего довоенного и военного города. Город для Будакова — живой организм. Город любит, страдает, сопереживает, ибо его населяют люди. По мнению писателя, «судьбу и характер города определяют явления глубинные, плодотворно-протяженные, национальные, — как придонская степь, что перетекает из курганной древности в современность, и есть почва, родина и жизнь. А бывает и так: штрих всего лишь, но и он неизбежен в историческом рисунке города, — как вороний грай в Петровском сквере, который разносился здесь и век, и тысячелетие назад, когда еще безымянною была эта пядь».

Наш земляк, Председатель Госкомиздата СССР Б.И. Стукалин в переписке с автором о «Великом Доне» и «Воронеж-граде» сказал так: «Будь моя воля, я бы рекомендовал Ваш труд в качестве обязательного пособия школьникам при изучении отечественной истории».

Главы пятого тома сложились в удивительное путешествие в мир писателей — уроженцев и жителей Черноземного края: Бунина, Платонова, Кораблинова, Стукалина, Прасолова, Жигулина, Пескова.

В повествовании о Бунине автор в очередной раз демонстрирует редкостный дар плавно переходить от прозы к поэзии. Весьма характерно высказывание черногогорского поэта и литературоведа Йоле Станишича: «Прочитав книгу В. Будакова «Отчий край Ивана Бунина», я восхитился смелостью и проникновенностью автора, возрождающего своими словами, своим творческим стремлением мир И. Бунина, его детство и юность, его судьбу на печальных дорогах разлуки с родиной».

Свою, особую тропу в страну Андрея Платонова нашел автор в повествовании о великом писателе. «И непокоренный простор мирозданья — родная стихия моя». Строки стихотворения, предваряющего космические мотивы уже Алексея Прасолова, тонально близки и творчеству Платонова, ведь, по словам Виктора Будакова, в платоновской поэтической строке — «гул и тишина, кротость и дерзость, полевая тропинка и Млечный путь, отчий порог и Вселенная».

В повествовании о Кораблинове — поведенные Будакову воспоминания Владимира Александровича о своей жизни. Это настоящая русская повесть, где о страшно и горьком написано просто и как бы обыденно — то есть так, как и происходит жизнь. Подобное чувство свойственно мировосприятию русского человека, при всех непогодах любящего родную землю. Читая о Кораблинове, мы видим мир и глазами Владимира Александровича, и глазами автора.

«Поэтический дар, позволяющий с отчей пяди земли проникать времена и пространства», роднит Будакова и Прасолова. Прасолов «...видел далекие страны, города, моря. Далекие и близкие лица. Вычитанные в книгах или однажды увиденные на полотнах художников, в кино, они шли к нему... Земля в травах и небо в звездах имели свои, обращенные к нему голоса. Он слышал их, понимал, он верил, что все — именно так».

Наверное, смысл короткого рассказа «Кругозор запредельный» из второго тома в чем-то раскрывает личность каждого серьезного поэта, обнаженным сердцем воспринимающего мир. Суть рассказа в следующем: из двух героев один сир и наг, второй успешен. Первому снится сон, в котором он, теряя сознание, проваливается в колодезь и снова видит небо и себя на высоком-высоком истоптанном холме, откуда открывается вся земля и все, что на ней творится и творилось. Там «такое спрессованное пространство и спрессованное время». Но то — сон или видение. В реальности же удел героя — винные стойки. А где же настоящая реальность? Как понять, а если понять, как выйти из печальной действительности в надмирное? Автор пишет: «Может быть, и в каждом человеке пребывает демоническое. Притаенное. Или спящее. Или подавленное. В поэте — более других...» Здесь — или победить демона, или подчиниться последнему.

Примечательны очерки об Анатолии Жигулине, Василии Пескове, с которыми Виктор Будаков был дружен. Очерк о Стукалине представляет лишь каркас будущей книги, но даже в таком виде он является рельефным слепком времени с ароматом ушедшей эпохи, — именно Борис Иванович сумел объединить воронежцев-литераторов той поры и многим дал путевку в большое литературное плавание.

Виктория Стручкова, автор книги «Волны «Великого Дона» (Москва, 2009) и составитель собрания сочинений писателя, говорит о нем как о достойном продолжателе традиций русской классической литературы, одновременно отмечая новаторство и в разнообразии тем, и в формах их раскрытия. Впитывая и переосмысливая лучшие традиции мировой и отечественной литературы, он так сказал «про новое», что в этом новом, как и в традиционном, оказался понятным и современникам, и подрастающим поколением.

Многие из произведений Будакова не вмещаются в строгое определение какого-либо жанра. Другие не просто разноплановы, но многомерны. К примеру, в рассказе «Яблоки» критики справедливо отметили свойственное автору ощущение связи с античностью. Поход с отцом в соседнюю Николаевку сродни походу Геракла на край света за яблоками Гесперид. Сохранившийся от войны яблоневый сад — чудо, уголок рая. Тогда их не было даже на православный праздник Яблочного Спаса. В «Яблоках» картины бедности и войны точны и лаконичны. А Николаевка — сплошь тайна, неразрывно переплетенная с реальностью. Рассказ пронизан метафорами. Даже туча можно воспринять как требующего жертв мифического громовержца. И когда отец высыпал мешок яблок в реку, подобное воспринимается как жертва богу воды и — как награда прозревшим: да, это сон — понятие тончайшее, он граничит с памятью и ассоциациями, которые писатель дарит людям.

Для юного героя рассказа Николаевка вместе со сказочностью утратила и некую безликость, зато родилось не менее волшебное-поэтическое чувство живой частицы Родины, «как родной сестры моего Нижнего Колодезя». Волшебство никуда не делось. По словам писателя и философа Владимира Варавы, «Родина — это рай» пресуществляется в глас Неба: «рай — это Родина».

Что такое Родина? «...Это когда сворачивается в жилах кровь оттого, что долго не видишь излуки Дона, Осокоревого круга, Полынь-горы; это когда сильнее всех нарисованных картин радостно захватывают дух цветущие сады; это когда звонкий крик слободского ребенка наполняет душу надеждой и всего тебя пронизывает бессмертием, как если бы это был твой собственный ребенок». Так пишет в одной из своих повестей Будаков.

Уже в ранних стихотворениях Будакова малая и большая родина сродни Вселенной, где незримая нить связывает большой Мир и его родной Нижний Карабут. «Есть большая Россия — большая земля, / Продолженье моей слободы». Поз-

же он напишет: «Сознание русского народа всегда было панорамным. Сферическим. Космическим». Вспомним платоновское: «Русскому мужику тесны его пашни, и он выехал пахать звезды».

У автора свое измерение Платонова — через время и пространство, через историю и преемственность поколений: «Через близкую Заставу два века как пролегла Задонская дорога, по которой, встречаясь и уходя, брели труженики, паломники, странники... За каждым странником угадывалась судьба человечества, как за Ямской слободой — судьба мира».

Как определил Валентин Распутин в предисловии к будаковской книге «Родина и вселенная» (Москва, 2009): «Виктор Будаков сказочно богат родиной своей, Доном-батюшкой, чудодейственная вода которого насыщена какими-то особыми элементами, вызывающими в человеке отменно независимый и свободный дух...»

Необычайно могуч и многофункционален у Виктора Будакова образ горы, проходящий через все творчество писателя. Некая «внегеографическая величественная гора» описана автором в кратком эссе «Вершины и равнины». Она «как пирамида с крутыми сине-каменистыми и словно бы отшлифованными гранями; великое множество народу взбиралось вверх и скатывалось вниз, и каждый был подобен камню Сизифа, и картина была — концесветная». Герою удалось забраться выше других и «ощутить дыхание не столько небесных сфер, сколько дыхание своей гордыни». Зато каким бесконечным и «обморочно страшным было падение».

Пожалуй, наиболее ярко представлен данный образ в «Мироновой горе». Она является и безусловной вершиной детства писателя, и ступенью для познания дальнейшего. По словам В. Варавы, это «место паломничества в отчий край, через который осуществляется связь с Вечностью». Именно на вершине Мироновой горы герой иным, надмирным взором увидел, как вздымаются ввысь молодые погибшие парни в белых рубашках. Да ведь это же ангелы! А с ними рука об руку — их невесты, зримое и бесплотное напоминание о недожитых жизнях и недопетых песнях...

Через образ горы писателем затрагиваются и геополитические струны — пока еще контурно возникает образ Андрея Евгеньевича Снесарева. В повествовании о замечательном генерале-геополитике присутствуют другие горы — Карпаты (к слову, по одной из версий — прародина славянства), там иная война, Первая Мирова.

Гора для Будакова — веха, маяк, путеводная звезда. Взглянув с нее, «видно во все стороны света...» — это современность. «Шлем горы Мироновой смуглел — Мономахов?» — это уже взгляд сквозь времена.

Имеется у Горы и свой антипод — котлован, яма, бездна. Приглашая читателя в мир Платонова, Будаков размышляет: «Котлован же — как инообраз опрокинутой башни, как метафора низа, провала, бездны, пропасти. Башня — не колокольня, но башня — как метафора выпренней мысли, наследница Вавилонской гордыни». Полет и падение. Вьсь и бездна. Как это по-русски: знать, что наверняка упадешь — и все равно стремиться вверх, срываться, лететь вниз и... не падать!

Один из персонажей повести «Трое на выцветшем снимке» признается, что любит смотреть фотографии, в которых отражены целые судьбы. Фотографии, чаще портреты — важные композиционные, символические и метафорические элементы в творчестве Виктора Будакова, средства, помогающие раскрывать тончайшие аспекты нашего бытия.

В рассказе «Вишня» портрет отца, ставший в сознании героя сигналом к атаке настоящей, перекликается с детской игрой в атаку. Между этими двумя размышлениями вместились два забега главного персонажа — один суетный, весь пропитанный мелкой гордыней, и забег второй — выстраданный, домой, к умирающей бабушке. Два сада и два портрета — бабушкин и отца, две музыки — случайный

оркестр и народная песня. Сознание обжигает картина отцовской смерти и заживляющей параллелью следуют воображаемые атаки сына-ребенка.

Известные художники — графики и живописцы В. Криворучко, В. Косенков, М. Ахунов, В. Пресняков, Л. Клочков, Г. Данич-Попов, А. Курзанов, А. Ходюк иллюстрировали книги Будакова и запечатлели его образ в рисунках и портретах, скульптор Эльза Пак — в бюсте. Некоторые из работ мастеров помещены в вышедшем собрании сочинений.

О художественном и нравственно-воспитательном значении творчества Виктора Будакова отзывались многие ученые-литературоведы, философы и историки. Детищем писателя является известная на всю страну книжная серия «Отчий край». «Писатель понимает огромную воспитательную значимость самого слова «отчий» — от молитвенного «Отче наш» до «отчий дом» (философ Владимир Варава). «Язык, слово, слог, стилистика, сравнение, лирическая энергетика, историческое видение... Можно найти еще несколько определений того «вооружения», которым «опоясался» автор многих книг об отчем крае» (писатель Валерий Баранов). Академический словарь «Русская литература XX века...» отмечает, что основатель и ведущий редактор книжной серии В.В. Будаков, по сути, ввел в культурный обиход страны понятие «Отчий край» как культурную и национальную доминанту.

Творчество писателя пронизано православными мотивами. Даже его ранние произведения пятидесятых годов, когда в нашей стране официально царил атеизм, пронизаны евангельскими началами — Добром, милосердием, состраданием, верой, светом. Не случайно духовная песня на стихи Будакова «Ангелы летели над Россией» в торжественные дни не раз звучала под сводами Храма Христа Спасителя.

Собрание, безусловно, замечательное, но не полное! Ведь есть у Будакова и монументальная книга об А.Е. Снесареве «Честь имею. Снесарев на полях войны и мира», которая вызвала широчайший интерес в России и зарубежье.

Валентин Распутин свое предисловие к книге Виктора Будакова «Родина и Вселенная» завершил так: «Автора этой книги хочется цитировать вновь и вновь — настолько он точен, выразителен и красиво убедителен в языке и выводах. Он мастер и в стихах своих, и в художественной прозе, и в этой работе, обозначенной им как «лирические страницы». Лирические, но и тревожные; одухотворенные, но и назидательные; страницы «одной, но пламенной страсти» и беспредельной любви к своей отчизне, но любви деятельной и плодоносной. Низкий поклон ему за этот труд».

Цитированием этих слов выдающегося русского писателя о нашем земляке завершим и мы краткий экскурс в пятитомное собрание сочинений Виктора Будакова.